

Соня Русликова

Жизнь
полна чудес

Романтическая сказка
для девочек любого
возраста

Соня Русликова

**Жизнь полна чудес.
Романтическая сказка
для девочек любого возраста**

«Издательские решения»

Русликова С.

Жизнь полна чудес. Романтическая сказка для девочек любого
возраста / С. Русликова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908114-8

Это очень женская история. И неважно, сколько вам лет, важно, чтобы вы
верили в чудеса. Читайте романтическую сказку о поисках себя и о любви. А
чудеса не заставят себя ждать!

ISBN 978-5-44-908114-8

© Русликова С.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	9
4	11
5	14
6	16
7	17
8	19
9	21
10	23
11	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

**Жизнь полна чудес
Романтическая сказка
для девочек любого возраста**

Соня Русликова

© Соня Русликова, 2018

ISBN 978-5-4490-8114-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– Ну вот, слушай, только не перебивай, мне и так сложно решиться на то, чтобы все рассказать...

Все началось с буфета. Со старого буфета, конец 19 века, массовое немецкое производство, резные головы мифических зверей, много ящичков и потайных отделений.

Вообще-то буфетов было два. Один из детства. Родители, когда им хотелось оттянуться, «подкидывали» меня к бабушке с дедушкой в старую коммунальную квартиру на Васильевском. Там были пироги и варенье, тяжелые плюшевые шторы, «дореволюционные», как моя бабушка говорила, кресла и столики. Там были игры с дедом, и, конечно, там был буфет. В его недрах таились такие богатства, как:

слоники один другого меньше, кузнецовские фарфоровые чашечки с мой указательный (тогда) палец, большие и маленькие шкатулки, набитые всякой всячиной и многое другое.

Буфет тянул меня к себе, как магнит. Засыпая, я часто смотрела в его толстые стекла, странно преломляющие реальность, и детские фантазии плавно переходили в сновидения.

С тех пор все мои представления о волшебстве прочно связаны с игрой света на радужных гранях старого бабушкиного буфета. А еще со смесью запахов ванили, корицы, нафталина и старого дерева, которыми было пропитано все, что там хранилось.

Наверное, если бы не было в моей жизни буфета номер один, то и встреча со вторым прошла бы обыденно и незаметно. Я не подошла бы к нему с замиранием сердца, не стала бы трогать его и ощупывать ящички и фигурки. Значит, я никогда не нашла бы тот тайник, который, похоже, навсегда изменил мою жизнь. Ну ладно, все по порядку, тем более что я собиралась рассказать эту историю с самого начала.

Думаю, стоит начать с того, что моя подруга Рита купила дом за городом. Это был довольно старый деревянный дом, сначала, видно, чья-то дача, а потом и жилой дом для нескольких поколений. Ритка купила его у своей дальней родственницы, которая боялась, в силу преклонного возраста, жить за городом. Поэтому дом достался моей подруге на особых условиях и довольно дешево. И даже с какой-то мебелью, если, конечно, эта наполовину развалившаяся, скрипучая и шаткая коллекция могла кого – то устроить (меня бы могла).

Для Риты нет ничего невозможного. Звучит избито, но не знаю, как еще можно описать эту ее особенность.

Мы познакомились в институте, на втором курсе. Рита приехала из маленького городка, затерянного на просторах Сибири, и сама, без всякой протекции и денег, поступила в такое учебное заведение, к которому и после питерской элитной школы просто так не подойдешь. На третьем курсе она увлеклась японской литературой (все мы тогда ей увлекались) и решила, что должна пожить в Японии. Это было не ново и не оригинально, так как в то время многие мои друзья мечтали примерно о том же самом. Ново было то, что, бросив после третьего курса престижный экономический ВУЗ, Рита из Петербурга уехала во Владивосток, поступать на японское отделение Университета (уровень преподавания в других местах ее не устроил). Спустя четыре года она уже писала мне из Японии.

На некоторое время наши пути разошлись. Потом Рита объявилась. Она вернулась на родину с тихой, наполовину японской дочкой, прекрасным знанием японского языка и литературы, и без гроша в кармане. Помню, как мы сидели с Ритой на кухне однокомнатной хрущевки, которую она снимала за копейки. Стены были покрашены в тот мертвенный оттенок зеленого, который сегодня редко увидишь даже в присутственных местах. Почти такого же цвета были и мы с ней, и ее маленькая дочка, так как на улице еще вяло тянулась сырая питерская зима, а отопление уже отключили. Разливая чай, Рита сказала тоном, не допускающим возражений: «Когда мы с Тусей переедем в загородный дом, у нас всегда будет очень тепло, потому что я буду топить камин даже летом». К тому моменту я уже слишком хорошо ее знала, поэтому приняла ее фразу всерьез.

В августе Рита устроилась синхронистом в известную японскую компанию и сняла квартиру получше. А как – то раз, еще через несколько месяцев, в разгар моего рабочего дня, Ритка радостно заверещала в телефонную трубку: «Ура-а-а!!! Поздравь меня! Мы скоро переезжаем!». Без лишних вопросов мне было понятно куда, хотя и непонятно, как ей это удалось.

Первый раз мы отправились смотреть новое жилище вместе. Пока мы выезжали из города, Рита, не умолкая ни на минуту, описывала мне преимущества жизни на лоне природы. С таким же энтузиазмом, много лет назад, она рассказывала мне о Японии. Я слушала и одновременно думала о том, что моей подруге поразительно хорошо удастся материализовать свои мечты. Похоже, секрет заключается в силе и в направленности ее желания. У меня никогда так не получалось. То ли я не концентрировалась ни на чем определенном, то ли желания по-настоящему сильного ни разу не возникало.

Доехали до поселка мы довольно быстро. Потом свернули на тихую улочку с высоченными липами. То ли туман, то ли мелкая дождевая взвесь поглощала все звуки и превращала пейзаж в монохромную акварель. Нашли Риткин дом, окруженный высоким забором из разросшейся малины. «Зачарованное место», – подумала я. Мы поднялись на деревянное крыльцо, с трудом открыли ржавый замок на веранде, потом дверь в дом. Вошли. Большой, пахнущий запустением холл вел в кухню и гостиную, спальни были наверху.

Дом мне понравился сразу. В кухне стоял деревянный, круглый стол, мебельный гарнитур пятидесятых годов, несколько ободранных венских стульев. Окна были мутные от пыли, исчерченные паутиной, но удивительно большие для наших северных широт. Мне захотелось здесь остаться, желательно надолго. Сварить чашку кофе, найти какую-нибудь книжку, сесть за круглый стол, еще хранящий память о воскресных обедах с парадной скатертью, и смотреть, как будет темнеть за окном. Но Рите, конечно, было не до меланхолического созерцания, она потащила меня наверх, чтобы вместе обследовать спальни (три, все очень светлые и столь же обветшалые).

А потом мы спустились вниз, в гостиную. И тут я увидела буфет. Этот буфет номер два почти ничем не отличался от буфета номер один, вместилища чудес моего детства. Было довольно темно, темней, чем в остальных комнатах, окна скрывали тяжелые плюшевые шторы. В полутьме блестели радужными гранями толстые буфетные стекла.

Сквозь запах сырых полов и нежилого дома, Риткиной сигареты и свежего воздуха из решительно открытой форточки, я уловила еле заметный, но все же вполне реальный аромат ванили, корицы, нафталина и старого дерева. Сердце забило сильнее, слегка закружилась голова. Потому что это был он, вернувшийся запах детства и близкого волшебства.

2

И все же в тот раз ничего особенного не произошло. Мы внимательно осмотрели весь дом, проверили старую, но вполне пригодную ванную, обшарили напоследок все углы – и вернулись в город. Денег на ремонт, который дому, безусловно, требовался, у Риты пока не было, поэтому она решила переехать сразу же, а уж потом заняться облагораживанием интерьера и освоением пространства (был еще и садик, и что-то вроде огорода). Мебель она тоже купила только самую необходимую, поэтому от ее руки не пострадали ни гарнитур пятидесятых годов, ни скрипучие стулья, ни буфет.

На некоторое время Ритка с головой ушла в обустройство дома, а я вернулась к своей довольно скучной и размеренной жизни. Работала я в большой американской компании руководителем отдела по работе с клиентами. Типичный менеджер среднего звена. Это занятие, которое 5 лет назад мне нравилось и даже приносило какое-то удовлетворение, в настоящий момент превратилось в тоскливую рутину. Я буксовала на месте, испытывая смутное беспокойство, смешанное с безразличием. Работа была не противной, да и оплачивалась неплохо – именно этим я, если бы захотела, могла бы объяснить пассивное отношение к поиску чего-то нового. Но в то время я не хотела себе ничего объяснять, просто плыла по течению.

Примерно также все было и в моей личной жизни. То есть никак. Год назад закончился один длинный, вялотекущий роман. Тогда казалось, что стоит только завершить безрадостные отношения, как начнется что-то новое и необыкновенное. Не началось.

Но ни в коем случае я не хочу сказать, что я страдала. В принципе, все было хорошо. Были друзья, прекрасные любящие родители и нормальная работа. Но за всем этим во мне росло недовольство собой и тем, как бездарно я распоряжаюсь своим временем. Не было драйва, было неинтересно просыпаться по утрам, и все чаще с наступлением сумерек хотелось забраться в уютную нору с тем, чтобы никуда не вылезать. Возможно, просто наступала зима, которую я не выношу, а с ней и желание впасть в анабиоз. Или начался пресловутый кризис среднего возраста.

3

В тот памятный день утро не задалось. Ничего удивительного, понедельник. Будильник не прозвонил, а, может, и прозвонил, но безрезультатно. Когда я вынырнула из очередного невнятного сна, часы показывали 8.45. Это означало, что я уже опоздала на работу, по крайней мере, на час. Через 15 минут наш американский директор встанет с часами в руках около входных дверей. Так он надеется победить русскую неорганизованность. Следовательно, не заметить мое опоздание он не сможет. Вылезая из-под теплого и мягкого одеяла и плетясь на кухню, я пыталась сообразить, можно ли срочно назначить деловую встречу, оправдывающую мой страшный грех. Так ничего и не придумав, я включила кофемолку, забыв закрыть крышку. Мелкая, ароматно пахнущая коричневая пыль равномерно покрыла стены кухни.

Почему-то я не умею торопиться. Нельзя сказать, что я сохраняю полное спокойствие, нет. Внутри у меня все мечется и паникует, но, вместо того, чтобы быстро собраться и выскочить из дома, я начинаю тормозить на некоторых этапах. В то утро я, как, впрочем, и всегда, зависла перед гардеробом. Обозревая вешалки и полки, я очередной раз пришла к выводу, что вещей много, а носить нечего. Потом надела серый костюм. Потом его сняла – мое отражение в зеркале показалось мне излишне эмансипированным. Хотелось чего – то женственного. Наконец я нашла в самом углу шкафа то, что меня устроило – бабушкино платье. Оно, конечно, не в прямом смысле бабушкино. Так его моя мама называет, потому что знакомая портниха сшила его по выкройке начала пятидесятых.

Села в машину, опаздывая уже на 1, 5 часа. Оказывается, вчера у меня почти кончился бензин. А я и забыла. Это означает еще 15 минут на заправку. И пробки уже везде. Значит, часа 2, не меньше. Надо что-то срочно придумать.

И тут зазвонил мобильник. В трубке захрюкало и заурчало – и я сразу поняла, что звонит Ритка. Она жила всего в 20 километрах от города, и связь в ее поселке была отличная. Но, почему-то, в самом доме сигнала почти никогда не было. А если и удавалось его поймать (для этого надо было подняться в Ритину спальню и забиться практически в шкаф), то все разговоры сопровождалось какими-то потусторонними звуками.

- Хррр – заболела пррр – чай – тррр, – сказала Рита.
- Ты заболела? Не слышу ничего, повтори, – прокричала я. – Алло?
- Тррр – пррр – звяк, – повторила она, – хррруйста, приезжай, трррлят!

Ситуация прояснялась медленно, но, наконец, я кое-что поняла. Ритина дочка Туся простудилась и ее нельзя вести в детский сад, а у Риты сегодня приезд японской делегации, и, если она не сможет появиться на официальной встрече, то... Короче говоря, Рита умоляла меня отпроситься с работы, так как больше некому было посидеть с Тусей. С соседями она еще не успела познакомиться, а мама живет на другом конце города, и пока она на электричке доедет до Риты, с работой можно будет распрощаться навсегда. А для меня взять отгул несложно, я же давно работаю и редко прошу о чем-нибудь начальство.

Пока я выживала из телефона обрывки фраз, в моей голове сложился план, при котором я не только помогаю Рите, но и уйду от возмездия директора. Перспектива поехать загород в рабочий день вдохновляла.

– Я выезжаю к тебе, собирайся! – прокричала я в трубку. Теперь надо было звонить в офис.

– Компания «П...н», добрый день, чем я могу вам помочь? – сладко пропела в трубку Лена, наш секретарь.

– Лена, привет! Меня кто-нибудь искал?

– Привет, тебя искал Билл, – ответила Лена, меняя медовую интонацию на хмурую, утреннюю. Билл – это наш финансовый директор.

– И что ты ему сказала? – спросила я, уже заранее зная ответ. Дело в том, что Лена очень хотела «дорастить» до сотрудницы моего отдела. Я ее не взяла, так как по моим представлениям, для работы с клиентами у Лены нет никаких данных, и теперь она мне потихоньку мстит.

– Сказала, что ты собиралась быть в офисе вовремя, и что у тебя на сегодня не назначены встречи в городе, – в голосе опять появилась сладость.

Принято считать, что наша компания особенно сильна своей корпоративной культурой. Мы открыты, дружелюбны, честны и позитивны. На самом деле, мы замкнуты, недружелюбны в лучшем случае, а в крайних вариантах и подлы. Подсидеть сослуживца, напакостить исподтишка – такое поведение сотрудников нашего сплоченного офиса не удивляет никого, даже новичков.

Помню, у нас работали два менеджера, которые ненавидели друг друга настолько, что, сидя в одном кабинете за соседними столами, все текущие вопросы решали между собой по электронной почте, причем на английском языке, с копиями непосредственному начальству. А на общих митингах улыбались и болтали, словно бывшие одноклассники.

Когда работаешь в террариуме столько лет, вырабатывается неплохой иммунитет.

– Спасибо, Лена, – сказала я бодро, – все правильно, а теперь соедини меня, пожалуйста, с Андреем.

Андрей – мой непосредственный начальник, и, кстати, вполне порядочный человек. Я стараюсь ему не врать (насколько это возможно, конечно). Поэтому, когда он взял трубку, я рассказала ему о Ритке и Тусе, за что и была вознаграждена отгулом.

За время телефонных переговоров я успела не только заправиться, но и почти выехать из города. Навстречу мне двигался плотный поток машин, моя же сторона дороги была почти пустой. За окном, как всегда внезапно, закончился город. Потянулась унылая нейтральная полоса – грязь, помойки, обшарпанные пятиэтажки. А потом наступил кайф. Город отпускал, с каждым километром внутри становилось все теплее, настроение улучшалось. К Ритиному поселку я подъезжала, благостно урча какую-то мелодию.

4

Ритка, в полной боевой готовности, уже нетерпеливо подпрыгивала на крыльце. Ее тоненькая подростковая фигурка в длинном черном пальто, на фоне деревянной стены с облупившейся серой краской, так и просилась в объектив. Рита торопливо клюнула меня в щеку, сообщила своим детским голоском, что еда в холодильнике (горячий морс для Туси в кухне на столе – температура невысокая, но лучше еще потом проверить – будь как дома – вернусь около шести – если что звони – и спасибо тебе огромное), запрыгнула в свою старенькую восьмерку и исчезла.

Я вошла в дом. Туся сидела на диване в гостиной и рассматривала картинки в «Сказках Братьев Гримм». Увидев меня, она радостно помахала рукой, улыбнулась и снова уставилась в книжку.

Туся очень странный ребенок. Не знаю, может быть, у нее еще культурный шок не прошел, все-таки она родилась и выросла в Японии. Туся очень сдержанна, но не замкнута. И у нее часто бывает такой вид, как будто она не здесь, с тобой, а где-то далеко-далеко. Рита уверена, что у Туси литературный талант. По-японски ребенок говорит хокку (это поэтические трехстишья). Не каждый раз, но часто.

По-русски Туся разговаривает прозой, как все, только раз в десять меньше, чем любая знакомая мне девочка пяти с половиной лет. Читать она умеет только по-японски. Тем не менее, с большим удовольствием берет в руки русскую книжку. Картинки, что ли, у нас лучше?

– Морс будешь? – спросила я. Туся посмотрела на меня и кивнула. Ее темные глаза (папино наследство) слишком блестели. Видимо, температура все-таки была. Мы выпили морс и съели по паре блинчиков. Потом я стала читать Тусе вслух «Сказки Братьев Гримм». Лично меня эти сказки всегда приводили в ужас. Даже в адаптированном для детей варианте, в них слишком много убийств и крови. Кого-то постоянно варили живьем, расчленили топором или бросали в темном лесу на съеденье разбойникам. Но Туся не боялась. Она просила меня читать еще и еще. После полутора часов, заканчивая очередную душераздирающую сказку, я решила, что попрошу перерыв. Но тут ребенок, устав от переживаний, заснул. Я укрыла Тусю клетчатый пледом и потрогала лоб. Температуры не было. Ну вот, теперь можно и расслабиться.

В доме стояла непривычная тишина. В городе, даже в моей тихой, с окнами во двор, квартире, постоянно стоит низкий гул. Этот звук, почти на пределе слышимости, живет в городе всегда, и днем, и ночью. Здесь же основой была тишина. Звуки были, но они не сливались в одну ноту. Каждый звук жил своей, отдельной жизнью на фоне тишины. Где-то наверху поскрипывал старый деревянный пол, слегка булькало в батареях парового отопления, капал кран в ванной комнате. Засвистела птичка, проехало несколько легковых машин и один грузовик с брэнчащей тарой в кузове.

Была середина ноября, за окном уже почти стемнело, хотя часы показывали четыре часа дня. Я зажгла настольную лампу с выцветшим абажуром. Теплый оранжевый круг света лег на стол. В окне появилась еще одна, отраженная лампа. Прозрачный стакан с морсом малиново засветился. И неправдоподобно ярко вспыхнули всеми цветами радуги толстые граненые стекла буфета.

Следующие пол часа пролетели для меня, как одно мгновение. Я снова была маленькой девочкой, а буфет был огромным, волшебным миром. Меня одурманивал запах ванили.

Я выдвигала ящики и ящички, изучала полки, открывала дверцы и маленькие секретные отделения. Снаружи буфет не был точной копией того, первого, но внутреннее строение его было очень похожим. Поэтому я была удивлена, не обнаружив полку за левой нижней боковой дверцей. Вместо них была стенка. Но память подсказывала, что между этой и задней стенкой буфета должно быть еще пространство, примерно 20 сантиметров в глубину. Зачем понадобилось закрывать дополнительное отделение глухой перегородкой, мне было непонятно. Я аккуратно постучала по стенке. Похоже, это не дерево, а просто фанера. И там точно было еще одно отделение. Постучала посильней, оглядываясь на Тусю. Она повернулась носом к стенке и сладко засопела.

Усевшись на пол напротив буфета, я задумалась. С одной стороны, мне очень хотелось взломать перегородку и посмотреть, что за ней. С другой стороны, никто не давал мне права портить чужую, пусть даже и приготовленную в перспективе к выбросу, мебель. Единственное, что могло очистить совесть, это звонок Ритке. Но я представила себе, как она, сидя на официальном приеме японской делегации, поднимет трубку, увидит мой номер, услышит хрюканье и решит, что с Тусей что-то не так – и отказалась от этой идеи. Подождать, пока она придет, в голову не пришло. Перегородку надо взломать немедленно. Честно говоря, для такого уравновешенного и ответственного человека, каким я тогда себе представлялась, желание было странным и даже диким.

Тем не менее, я вскочила и бросилась на поиски инструмента. Пронеслась, как вихрь, по кухне, схватила большой нож, какую-то штуку с треугольным железным наконечником и молоток для отбивания мяса. Когда я вернулась в гостиную (в руке нож, остальной арсенал прижат к груди), мне пришло в голову, что если Туся сейчас проснется и увидит меня, она решит, что персонаж из сказки Братьев Гримм материализовался прямо у нее в доме. Но, к счастью, девочка спала крепко.

Я опять села на пол, прямо напротив перегородки. Взяла в руки нож и попробовала аккуратно подцепить край фанеры. Бесполезно. Потом настала очередь неизвестного мне инструмента с острым концом. После долгой борьбы, мне удалось проделать в фанере несколько дырок. Попробовала заглянуть внутрь. Ничего не видно. Искать фонарь было слишком долго. Меня трясло от нетерпения.

В конце концов, у меня получилось. Помог молоток для отбивания мяса. Удивительно, что, несмотря на грохот, Туся не проснулась.

Отрывая обломки фанеры, я несколько раз оцарапала себе руки, но боли не почувствовала. И вот передо мной открылось спрятанное отделение. На какое – то мгновение мне показалось, что там ничего нет. От разочарования я чуть не расплакалась. Но, присмотревшись внимательно, увидела в глубине какой-то небольшой предмет, тщательно завернутый в пожелтевшую от времени газету.

Я вытащила его и подползла на коленках поближе к окну, из которого падал на пол тусклый ноябрьский свет. Руки у меня были исцарапаны и почему-то дрожали. Начала медленно разворачивать газету. Мне вспомнилось, что так мой дед разворачивал Новогодние елочные украшения. За неделю до праздника он доставал большую картонную коробку и бережно ста-

вил ее на стол. Мы поднимали крышку, а там, в вате, перемешанной с остатками прошлогоднего золотого елочного дождя, лежали вот такие же, завернутые в старую газету, круглые и продолговатые предметы.

Странно. Взламывая буфет, пытаясь добраться до тайника, я, тем не менее, не строила совершенно никаких предположений о том, что спрятано за фанерой. Не думала, что найду драгоценности или деньги. Хотя ожидать этого было бы логично. Поэтому, когда, развернув последний желтоватый слой, я увидела у себя в руках чашку, я почти не удивилась.

Чашка была чайная, явно старинная, из бледно голубого, довольно толстого фарфора. Она была не круглая, а граненая. Восемь граней, по верхнему краю бледно синий узор из листьев и завитушек. Около основания – почти такой же узор, но с добавлением охры. По чашке шла небольшая трещина, начинаясь у самого верха, она заканчивалась примерно на уровне ручки, угловатой и тоже бледно – голубой. Я принялась. Из чашки доносился довольно сильный запах ванили и корицы. Нафталином не пахло.

Я сидела на полу и внимательно осматривала чашку, как вдруг почувствовала, что вокруг меня что-то изменилось. В комнате стало светло, все предметы вырисовывались четко и празднично ярко. За окном шел снег. Белые шарики мягко падали на ветки дерева. Земли мне видно не было, но, судя по сиянию в комнате, снег укрыл весь двор в считанные минуты. Не знаю, что именно было тому причиной – первый ли в этом году снег, добытая ли не очень праведным путем чашка в руках, – но на меня вдруг опустился неожиданный покой. Несколько минут, сидя на полу перед порушенным буфетом, я испытывала чувство абсолютного единения с окружающим миром.

Через некоторое время я неторопливо встала, аккуратно поставила чашку на стол и принялась за уборку. К тому моменту, как Туся проснулась, все признаки разрушения были ликвидированы. Туся увидела снег за окном и очень обрадовалась. Что-то почти пропела по-японски, может быть хокку в честь первого снега? Я попросила перевести, но она сказала мне с важным видом, что это невозможно повторить по-русски.

5

Остаток дня в ожидании Риты мы с Тусей провели спокойно и с удовольствием. Еще раз поели, на этот раз грибной суп с тостами, потом поиграли в «горячо – холодно», потом я еще немного почитала Тусе «Сказки Братьев Гримм». Мобильный телефон молчал, так как сигнала не было, но меня это нисколько не волновало, даже, скорее, радовало. Время от времени я бросала взгляд на чашку, мирно стоящую на столе.

Рита, как и обещала, приехала к шести. Сначала она забросала нас вопросами о здоровье Туси, потом рассказала о встрече японцев и об официальном приеме. Ей необходимо было выговориться. Когда Ритка немного поутихла, и мы сели пить чай, я призналась ей в своих преступных действиях и показала находку, которую она не заметила.

– Слушай, никогда бы не поверила, что ты можешь взломать чужую мебель! Это на тебя не похоже, – Ритка выглядела почему-то очень довольной. – А история прикольная! Кому надо было замуровывать обыкновенную чайную чашку?

– А, может, она очень дорогая, и ее спрятали на черный день? – предположила я.

– Да нет, смотри – на ней клеймо Кузнецовского Фарфорового Завода. Вещь, конечно, дореволюционная, но особой ценности не имеет, – тоном эксперта сообщила Рита.

– Она краси-и-и —вая, – почти прошептала Туся, которая, кажется, только сейчас увидела предмет нашего разговора.

– Откуда ты знаешь? Может быть, это ограниченный тираж или что-то в этом роде? – спросила я у Риты.

– Можно, конечно, показать ее специалистам... Но, прежде всего, надо спросить у КВ, это же ее буфет, в конце концов! – решила Рита.

КВ (Клавдия Валентиновна) – это предыдущая владелица дома и дальняя Ритина родственница, двоюродная тетя, кажется. Собственно говоря, Рите этот дом достался от КВ на определенных условиях. Рита влезла в долги и купила для одинокой родственницы однокомнатную квартиру в городе. Они договорились, что КВ будет там жить с октября по май, а на лето вернется в свой дом к Рите и Тусе. Клавдии Валентиновне было под восемьдесят, и она боялась зимовать за городом, вдали от медицинской помощи.

Я видела КВ один раз, когда помогала Рите устраивать тетю в городской квартире. Впечатление она произвела на меня сильное. Очень высокая, с прямой спиной пожилая женщина (язык не поворачивался назвать ее старушкой). Красиво уложенные седые волосы, шляпка и очень независимый вид. Но, несмотря на независимость, КВ все-таки нуждалась в помощи, поэтому Рита приезжала к ней несколько раз в неделю, завозила продукты и немного помогала по хозяйству.

– Давай ей сейчас позвоним! – предложила я. – Спросим, не знает ли она про тайник в буфете.

– Я завтра все равно к ней поеду, потерпи. Ну что мы будем ее тревожить, к тому же и объяснить по телефону всю эту историю толком не получится, – решила Рита. – Я заскочу к ней утром, до работы, чашку возьму с собой.

– Как только с ней поговоришь, сразу позвони мне, ладно?

– Хорошо, около десяти утра жди звонка.

Сидеть на кухне за круглым деревянным столом было очень уютно. За окном все еще тихо падал снег, мурлыкал маленький радиоприемник. Мне не хотелось даже думать о том, что пора назад, в город. Потом приехала Ритина мама, чтобы остаться на несколько дней, посидеть с Тусей. Мы снова выпили чаю, теперь уже вчетвером. Потом я обнаружила, что уже десять вечера и засобираюсь домой. Ритка пыталась оставить меня ночевать, но я с сожалением отказалась. Уж завтра-то мне точно нужно в 9.00 быть на работе.

Расставаться с чашкой было тяжело. Одевшись, я снова вернулась в гостиную. Чашка самодостаточно стояла на столе, под лампой. Ее окружало мягкое голубоватое сияние и слабый запах пряностей. «Как же непросто живется клептоманам», – подумала я. Опять меня затрясло – желание схватить чашку и унести с собой казалось непреодолимым. Но я все-таки смогла отвернуться, выйти в прихожую, перецеловать всю семью от Туси до мамы и уехать, наконец, домой.

6

Утром, собираясь на работу, я вспомнила вчерашний день. Свое поведение объяснить не смогла. Взломать буфет?! Возжелать чашку настолько, чтобы, даже на секунду, всерьез обдумывать кражу?! «Наверное», – сказала я себе, – «вчера была магнитная буря». Объяснение было невразумительное, но ничего другого я придумать не смогла.

Попав в офис, я сразу же закрутилась, как белка в колесе, в текущих делах. В моей электронной почте за прошедший день накопилось новых сообщений больше, чем нормальный человек может прочитать, не боясь ослепнуть. Примерно треть из них требовала неотложного внимания. За первый рабочий час я разгребла довольно много и решила, что заслужила чашку кофе с печеньем. Я была уже за дверью кабинета, когда у меня в сумке зазвонил мобильный телефон. Подходить не хотелось. Звонок мобильного в это время дня означал, скорее всего, очередную проблему с клиентами. Поколебавшись немного, я все-таки сняла трубку.

– КВ умерла.. Представляешь... Я пришла, а она на полу... Я не знаю, что мне делать, – это была Ритка. Она рыдала в трубку. У меня внутри все оборвалось. Почему – то первой моей реакцией на это сообщение был панический страх. И еще чувство вины. Я прижимала трубку к уху, но, какое – то время не слышала даже, что говорит мне Рита. Потом постаралась взять себя в руки.

– Рита, послушай меня, ты должна вызвать скорую, может, она еще жива, может у нее глубокий обморок, – я постаралась вложить в свой голос максимум уверенности и спокойствия. – Рита, ты меня слышишь? Вызови скорую прямо сейчас.

– Да, ты права, сейчас позвоню, – ответила Ритка, вроде бы немного успокоившись.

– Маме пока ничего не говори, все равно она приехать не сможет, пусть спокойно сидит с Тусей, – про Тусю я специально сказала. Это, кажется, помогло.

– Да – да, – Риткин голос зазвучал почти нормально, – все, пока, звоню в скорую, потом перезвоню.

Естественно, от умиротворенного состояния не осталось и следа. Повесив трубку, я машинально отправилась в офисную кухню, налила себе чашку кофе и уставилась в окно. Я была уверена, что никакого обморока нет, КВ умерла. Я даже знала, когда. Вчера днем, где-то в районе четырех, пока я взламывала буфет.

Ни о какой дальнейшей работе не было и речи. Но уехать из офиса я уже не могла, второй день подряд форс – мажорных ситуаций у сотрудников больших интернациональных компаний быть не может по определению. Оставалось только ждать Ритиногo звонка. Поэтому я просто сидела, уставившись в компьютер, перед остывающей чашкой кофе и ждала.

Рита перезвонила через час. Да, КВ умерла, вчера днем, во сколько – Рита у врача не спросила. Она сказала, что сейчас уезжает оформлять все бумаги, освободится часа через три, потом домой.

– Ритка, давай встретимся, хоть на пол часа, кофе где-нибудь выпьем, мне с тобой поговорить надо, – попросила я. Она согласилась.

Но встретиться с Риткой в тот вечер мне не удалось. Дело в том, что, отъехав метров пятьсот от офиса, я попала в ДТП.

7

Погода была ужасная, дождь со снегом. Темно. Видно плохо. Но, тем не менее, не понимаю, как такое могло случиться. Я вожу машину больше семи лет, очень аккуратно, никогда не попадала ни в одно ДТП. Ехала я в тот вечер медленно и, несмотря на свое нервное состояние, по-прежнему аккуратно и внимательно. Помню, как повернула направо на набережную Фонтанки, увидела, что пробки в сторону Невского нет, а дорога прямо передо мной свободна. А спустя несколько мгновений, я уже въезжала в задний бампер Вольво. Легкий удар (скорость после поворота еще не успела набрать), потом звук бьющегося стекла. Еще пару минут я сидела, не двигаясь, в попытке осознать, что могло случиться. Потом увидела разъяренного мужчину, выскочившего из Вольво. Он осмотрел свою машину, потом мою, потом подошел к моему окну. Я опустила стекло. Мужчина взглянул на меня раздраженно, потом выражение его лица изменилось. Стало каким – то озабоченным.

– Девушка, с вами все в порядке? – спросил он. Голос был красивый – низкий и глубокий.

– Я не знаю... Я не понимаю, передо мной же никого не было, откуда Вы взяли? – в голове моей по-прежнему был бардак.

– Стоял я, даже не ехал. Габариты у меня горели. Вы что, плохо видите? – для такой идиотской ситуации он был на удивление корректен. Это немного привело меня в чувство. Я вышла из машины.

– Ваше счастье, девушка, что с моей машиной все в порядке, – сказал он. Вот оно что! Понятна причина его вежливости. Пострадала только моя машина. У меня была разбита левая фара и немного помято крыло. А Вольве хоть бы что, даже царапины, и той нет.

– В следующий раз будьте аккуратней, – сказал назидательно мужчина, собираясь уехать.

– Подождите, пожалуйста, не уезжайте, – взмолилась я. – У меня страховка, это корпоративная машина, я должна вызвать ГАИ, иначе мне нельзя. А если вы уедете, они не будут оформлять справку о ДТП.

– Да Вы что? Издеваетесь? Это часа на четыре история, а то и больше. За что мне-то страдать? – резонно ответил он.

– Как на четыре? Почему? – глупо спросила я. И вдруг расплакалась. Причина была, конечно, не в аварии, и не в мужчине, который отказывался ждать. Это были слезы, которые копились во мне с того момента, когда утром Ритка сообщила мне о смерти КВ. И сейчас, на глазах у незнакомого человека, они лились бесконечным потоком.

Мужчина явно растерялся, но уезжать раздумал. Он достал из своей машины одноразовые носовые платки и протянул мне упаковку.

– Да не рыдайте Вы так! Ничего страшного не случилось! Ну, не буду я сейчас уезжать. Давайте выпьем по чашке кофе и подумаем, как Вам помочь, – сказал он, дождавшись паузы в моих рыданиях.

Я понемногу приходила в себя. С одной стороны, стало легче, холодный комок внутри (поселившийся во мне с утра) разжался. С другой стороны, не в моих привычках рыдать, а тем более при незнакомых мужчинах в самом расцвете сил. Мне стало стыдно. Но выбора не было, отпустить этого человека сейчас я не могла, мне действительно нужна была справка о ДТП. Я согласилась, да и кофейня была в двух шагах.

Мы сидели за столиком, передо мной стояла чашка кофе. Я успокоилась окончательно. Внимательно посмотрела на мужчину, сидевшего напротив. На вид ему было лет 35, приятный, очень коротко стриженный, в хорошем костюме. Глаза умные и внимательные. И очень спокойные.

Я извинилась за свое истеричное поведение, объяснив его переутомлением и проблемами на работе. Мы немного поговорили о том, где работаю я. Он сказал, что отлично понимает, как иногда тяжело бывает в такой организации, потому что сам уже несколько лет возглавляет Питерское отделение иностранной компании. Времени у него ни на что не хватает, каждый час на счету. Сегодня вот освободился пораньше, договорился с друзьями в футбол поиграть, а тут я. Ждать продавцов полосатых палочек, потом ехать оформлять бумаги, все это ни мне, ни ему не надо.

– Давайте сделаем так – я возьму для вас справку о ДТП, у меня бывший одноклассник в ГАИ работает. Вы ее отнесете в страховую компанию, и никаких проблем ни у вас, ни у меня.

Ситуация была безвыходная. Если я откажусь, он все равно уедет. К тому же, я ему верила. Было в нем что-то такое, сразу располагающее к себе собеседника. Я согласилась. Мы обменялись именами и телефонами, он пообещал подвезти мне справку на следующий день. Звали его Марк. До него я знала только одного человека с таким именем. Не просто знала, я его очень любила – этот человек был моим дедом.

8

Конечно, с Риткой я встречаться уже не поехала – не было сил. Да и у нее голос по телефону звучал тускло и измученно. Мы договорились увидеться к вечеру следующего дня. Меня хватило только на то, чтобы дотащить до дома, принять душ и заползти в постель. Но уснуть я не могла.

Я лежала и вспоминала деда. С детства он был для меня романтическим героем.

Дед появился на свет в 1900 году. Родился он под Житомиром, в бедной еврейской семье. Но детство у деда было счастливым. В нем было полно украинского простора и еврейского колорита. А когда моему деду Марку было 17, наступил 1917 год. В местечко пришли махновцы и расстреляли у него на глазах всю семью, и родителей, и сестер. Дед видел, как погибла его семья из окна подвала, в котором его спрятали соседи, украинцы. Он посидел в одну ночь. А на утро ушел в армию Буденого, мстить. Когда гражданская война закончилась, мой дед приехал в Петроград. И, после четырех классов хедера (это такая еврейская религиозная школа) и долгих лет войны, он закончил вечернюю школу, сам подготовился и поступил в Политехнический Институт. Он снял комнату в квартире на Васильевском Острове. Квартира была большая, с хорошей мебелью 19 века и плюшевыми шторами. Я представляю, как дед впервые появился в квартире моей бабушки – высокий, худой, похожий на молодого Блока и совершенно седой, но с черными бровями и пронзительными черными глазами. Устоять было невозможно. Молодая хозяйка квартиры и не устояла. Наверное, когда начался их роман, в квартире еще не пахло смесью ванили, корицы, нафталина и старого дерева. Этот запах, я думаю, появился позже. Может быть тогда, когда от всей бабушкиной квартиры осталось только две комнаты, а в остальные подселили чужих людей. Так что с буфетом номер один я играла в том же самом доме, но уже в коммунальной квартире.

Дед, конечно, любил мою бабушку. Они дожили вместе до глубокой старости, отпраздновали золотую свадьбу. Но до самозабвения дед мог любить, наверное, только одного человека в один промежуток времени. Когда родилась мама, она стала для деда всем. А потом, почти через тридцать лет, вся его любовь сконцентрировалась на мне. Так говорила бабушка, так считали мои родители, и так чувствовала я всегда, с тех пор, как себя помню.

Наверное, у каждого в детстве должен быть такой человек. Дед понимал меня «спинным мозгом». Родители мои, естественно, меня воспитывали. И, конечно, иногда и ругали, и наказывали. Дед принимал мою сторону во всех спорах и ссорах, неизменно становясь на защиту.

Помню, когда мне было лет семь или восемь, со мной произошла такая история. Мне ужасно хотелось иметь перочинный нож с перламутровой ручкой. Такой нож продавался в хозяйственном магазине, недалеко от нашего дома. Не знаю, почему родители мне его не купили, возможно, сочли игрушку достаточно опасной. Я же чувствовала, что ножик этот мне необходим. Своих денег, остававшихся от школьных завтраков, мне на покупку не хватало. Тогда я решила, что в карманах пальто моих родителей наверняка можно раздобыть недостающую сумму. Мысль была правильной. Я набрала полный кошелек мелочи, пересчитала – и побежала покупать ножик.

Не помню, как мое преступление раскрылось. Помню только, какой кошмар ждал меня вечером дома. Родители объявили меня воровкой, сказали, что по мне тюрьма плачет – и ушли

в театр, бросив меня предаваться самоуничижению в одиночестве. Я рыдала так, как не рыдала потом никогда в жизни. Я действительно чувствовала себя преступницей. Но тут, как всегда вовремя, пришел дед, выяснил, почему я плачу, и за пару минут абсолютно меня успокоил, рассказав, как много разных вещей ему посчастливилось украсть в детстве. Наверное, это было совсем не педагогично, но он вернул мне веру в себя и в то, что, несмотря на мое преступление, меня все равно любят.

Я лежала в постели, вспоминала детство и доброту деда. Потом подумала, что маме, во время этой истории с ножиком, было 36. На четыре года больше, чем мне сейчас. А у нее уже был папа, и я. Тогда родители казались мне ужасно взрослыми.

Почему – то я опять стала плакать. Видимо день сегодня такой – слезный. Я встала и пошла умыться. В ванной надолго застряла перед зеркалом, вглядываясь в свое отражение. Из зеркала на меня смотрел несчастный, заплаканный зверек с красным носом и опухшими глазами. Да, не зря друзья называют меня *интересным зверьком*.

Вообще – то меня зовут Соня. Так и в паспорте записано, не София, а просто Соня. Мне кажется, что имя мое мне подходит. Но в семье никто никогда не звал меня по имени, всегда были ласковые прозвища. А для моих близких друзей я – *интересный зверек*. У меня есть очень давний друг, мой бывший одноклассник Сережка. Он и придумал так меня называть. Еще он придумал целую теорию про *интересных зверьков*. Это не прозвище, это название целого вида. *Интересный зверек* отличается от других тем, что боится толпы, не любит поп культуру и все, что с ней связано, никогда не смотрит телевизор, любит интеллектуальные игры и читает, как ест. То есть все свободное время.

Среди моих знакомых довольно много *интересных зверьков*. Как говорит Сережка, в этом нет ничего удивительного, потому что *интересным зверькам* проще выживать вместе. Ритка, например, по Сережкиной классификации, *очень интересный зверек*. У нас на работе тоже есть один *интересный зверек* – но он пугливый и не хочет идти на контакт.

«А Марк может оказаться *интересным зверьком*?» – вдруг подумала я. Вряд ли. Ни один известный мне *интересный зверек* не ездит на новой Вольве. Не то, чтобы они не могут быть успешными. Могут. Но они не бывают *очень* успешными. Они, в лучшем случае, как я, ездят на Шкоде, например, или на Ситроене, но никогда на новом BMW или Мерседесе. Наверное, потому, что *интересным зверькам* не очень нравится зарабатывать деньги. Они слишком много времени проводят в выдуманном мире. Видимо, объективная реальность, данная им в ощущениях, не слишком их радует.

9

За это объективная реальность часто мстит *интересным зверькам*. Это известный факт, и к нему всегда надо быть готовым.

Я была готова. Вот и весь следующий рабочий день прошел в попытках решить несколько довольно серьезных конфликтов, которые возникли у моих сотрудников с клиентами. Пока я всем этим занималась, время летело незаметно. Когда я закончила, на часах было уже семь вечера.

И тут я осознала, что Марк мне так и не позвонил. Ну, естественно, не позвонил, глупо было довериться незнакомому человеку. Не зря наш административный менеджер сто раз повторял, что при ДТП в любой ситуации необходимо первым делом вызвать ГАИ и получить справку. И не слушать уговоров и предложений, которые могут поступать от других участников столкновения. Теперь мне придется ремонтировать машину за свой счет. Сколько это может стоить, я не знала, но уж точно, долларов четыреста, не меньше. Значит, прощай мой зимний отдых! Было жалко денег, и было обидно, что человек, который показался мне таким надежным...

Зазвенел мобильный телефон. Марк. Справку взял, готов со мной встретиться в удобном для меня месте. Упс! Все – таки первое впечатление меня не обмануло.

Я позвонила Ритке, договорилась выпить с ней кофе в центре и поехала встречаться с Марком. По дороге подумала о том, что Марк, пожалуй, меня заинтересовал. Да, определенно, я бы хотела продолжить наше знакомство. Тем не менее, когда мы встретились, я поступила как обычно. Просто взяла справку, поблагодарила его за любезность и стала прощаться. Марк предложил мне поужинать, но я сказала, что меня ждет подруга, спасибо. Он не настаивал, просто улыбнулся, пожелал мне безаварийной езды – и уехал.

Это еще одна особенность *интересных зверьков*. При кажущейся внешней общительности, они очень замкнуты и с трудом пускают в свой внутренний мир новых людей. Особенно, если эти новые люди грозят слишком сильно задеть их чувства. Я очень хотела бы согласиться и поужинать с Марком. Не было причин отказываться. Ритка бы поняла, я могла бы договориться с ним на другой день, в конце концов. Но я не сделала этого, сама толком не понимая почему. От встречи с ним осталась справка о ДТП и ощущение упущенной возможности.

Рита ждала меня в нашем кафе. У нас с ней есть несколько любимых мест для встреч, но это – самое из них приятное. Небольшая кофейня, вход непосвященным найти нелегко. На улице висит реклама с названием, но, на фоне других, более ярких вывесок, она почти незаметна. Чтобы попасть в кафе, надо пройти двор – колодец насквозь, зайти в следующий и повернуть налево. Как говорят мои московские приятели, «чисто питерское местечко».

Ритка выглядела уставшей. Она снова начала говорить мне о том, как нашла КВ, как ждала скорую, как оформляла бумаги. Потом я, чтобы немного ее отвлечь, рассказала про ДТП. Я так долго и так подробно описывала ей Марка, что под конец Риткины глаза хитро заблестели. Тогда я быстро закруглилась и перешла к тому, о чем, собственно, и хотела с ней поговорить.

– Слушай, – сказала я, – я хочу тебе сказать одну вещь, только не думай, что я с ума сошла. Я знаю, что никакого нормального объяснения этому нет, но...

– Но?.. – Рита оторвалась от созерцания пирожного и посмотрела на меня.

– Помнишь взлом буфета? – спросила я.

– Конечно, помню, расковыряла чужую вещь, – развеселилась Рита.

– Подожди, не смейся. Это страшно. Я говорила тебе, как странно я себя тогда чувствовала? Говорила, что меня как будто кто – то подталкивал это сделать? Меня просто трясло от нетерпения, пока я чашку не достала и в руки не взяла. Говорила?

– Ну да, говорила, – ответила Рита.

– Ты знаешь, у меня такое ужасное чувство, что я в тот момент КВ убила своими руками. Понимаешь, все же совпадает – время взлома и время ее смерти, – сказала я. – Как будто там душа ее хранилась или уж не знаю что, а я...

– Ага, яйцо в дупле, в яйце игла... Сонька, да ты что, сказок слишком много Тусе прочла?

– Рита, а ты подумай – умерла она внезапно, ведь не болела ничем серьезным. Что тебе врач сказал о причине смерти?

– Сказал, что сердечный приступ, что скоропостижная смерть, но ведь это естественно может произойти в ее возрасте. Да, я же забыла тебе сказать, я когда с документами возилась, выяснила, что ей уже 84 стукнуло. Она возраст свой уменьшила на пять лет.

– Слушай, а она и на 75 не выглядела! – поразилась я.

– Ну, она все время очень самостоятельная была, прямая, подтянутая. Я когда на прошлой неделе к ней приезжала, она меня такими пирожками кормила! С капустой, – грустно добавила Рита.

– Вот видишь, не было никакой причины, чувствовала она себя хорошо. Ничего не понимаю, – сказала я.

Мы молча пили кофе. Ритка что – то напряженно обдумывала, потом сказала:

– Уж если и предполагать какую-то мистику, то почему не наоборот?

– Как это – наоборот? – спросила я.

– Смотри, ей становится плохо, она умирает, но в этот момент ты чувствуешь что – то, вскрываешь ее тайник и получаешь чашку, как будто из ее рук. Как наследство, понимаешь?

– А почему я? Мы же с ней почти незнакомы даже, – проговорила я.

– Когда ты себя в роли убийцы представляла, такие вопросы тебе в голову не приходили, – улыбнулась Рита. – Почему ты – не знаю. Но я теперь уверена, что именно так и произошло. Ведь тебе эту чашку забрать с собой хотелось, я же видела, как ты ее глазами поедала. Получается, что это твоя вещь.

– Да, в этом что – то есть, – я вдруг почувствовала прилив сил. – Ты знаешь, когда я чашку в руки взяла, мне так хорошо стало и спокойно, умиротворение такое... Не знаю, может, ты и права.

Ритка полезла в сумку, вытащила оттуда сверток и протянула мне:

– Забирай! Я ведь ее с тех пор, как к КВ поехала, так с собой в сумке и таскаю. Мне не хотелось ее себе оставлять, а теперь я понимаю, почему. Это твоя вещь, она должна быть у тебя.

И я взяла ее у Риты. С радостью. Очень бережно завернула поверх бумаги в свой шарф – и убрала в сумку.

10

Дома я первым делом еще раз внимательно изучила чашку. Ничего нового не обнаружила, кроме довольно толстого слоя старой желтоватой грязи. Тогда я решила чашку аккуратно отмыть. Набрала в миску теплой воды, добавила немного геля для душа, пахнущего ванилью. И осторожно, мягкой щеткой стала оттирать пятна.

Ну вот, совсем другой вид. Чашка, освобожденная от груза лет, выглядела заново рожденной. Я поставила ее на стол в комнате, а сама уселась на диван. Мне не давала покоя мысль о том, почему потребовалось прятать в тайник такой заурядный предмет, как чайная чашка.

Будем рассуждать. Самым очевидным поводом могла быть стоимость чашки. Допустим, чашка очень дорогая, и КВ ее спрятала на черный день, ну или опасаясь грабителей. Мало ли что может прийти в голову человеку, пережившему войну и разруху. Ценность чашки проверить легко, можно показать ее специалисту. Но я не верила в эту версию. В детстве мне довелось вволю поиграть со старым буфетом, в котором был не один предмет, изготовленный на заводе Кузнецова. У меня и сейчас есть посуда, доставшаяся мне от бабушки, с таким же точно клеймом. Конечно, сколько – то она стоит, но не так дорого, чтобы прятать ее от всех под слоем фанеры, прочно прибитой гвоздями. Тем не менее, на всякий случай, чашку завтра нужно будет отнести в антикварный магазин, чтобы оценить.

Есть еще один вариант. Возможно, ценность чашки выражается не в деньгах, а в воспоминаниях. Кто – то когда – то подарил эту чашку КВ при романтических обстоятельствах. КВ никогда не была замужем, но ведь это не значит, что у нее не было романов. Если она и в восемьдесят с лишним лет производила впечатление интересной женщины, то лет в двадцать или тридцать она должна была быть просто неотразима. Получается, что эта чашка могла быть напоминанием о ее первой любви, например. Нет, не сходится! Как люди поступают с вещами, которые связаны с дорогими воспоминаниями? Они ставят их на видное место, стараются, чтобы вещь была перед глазами. Ну, в крайнем случае, они кладут ее в ящик стола, или на полку шкафа, чтобы время от времени доставать оттуда и смотреть. Но не засовывают в дальний угол буфета и не забывают куском фанеры.

Загадка... Была бы жива КВ, можно было бы ее спросить. Хотя, с другой стороны, если она сама сделала этот тайник, значит, она не хотела, чтобы кто – то эту чашку нашел. А, может быть, и вправду были воспоминания, но не радостные, а страшные или тяжелые? Нет, опять не то. Избавиться от фарфорового предмета проще простого, достаточно с силой кинуть его на пол. Ну а если не хочется разбивать, можно отдать знакомым, или в магазин комиссионный отнести.

Не понимаю. Еще один вариант. Чашку замуровала не КВ. А кто? Ребенок? Теоретически, ребенок мог бы так играть. Но я видела, как ровно были забиты гвозди, и как искусно перегородка имитировала стенку буфета. Ребенку это не под силу. Да и взрослый должен был обладать определенными специальными навыками. А кто тогда? Посудный маньяк? Абсурд какой – то.

Одно из двух – либо у меня нет здравого смысла, либо он здесь бессилен. А если здравый смысл бессилен, то, сколько голову не ломай, додуматься все равно не получится. Если и придет правильный ответ, то скорей всего неожиданно. Лучше всего в такой ситуации отвлечься.

И выпить из загадочной чайной чашки кофе. Чай я не люблю, зато кофе обожаю. Утром пью его с молоком, днем черный без сахара и с печеньем, вечером – черный с сахаром и сигаретой. Кофе всегда поднимает мне настроение.

Я встала, захватила с собой чашку и отправилась в кухню. У меня очень хорошая кофе машина и мне нравится ей пользоваться. Я сварила себе крепкий черный кофе, перелила в чашку, добавила коричневый сахар (тростниковый сахар прекрасно подчеркивает вкус кофе). В бледно голубой чашке темно коричневый кофе смотрелся очень хорошо. Залюбовавшись сочетанием цветов, я вдруг обратила внимание на то, что выглядит чашка хоть и бледной, но удивительно живой. Оглянувшись вокруг, я поняла, что она смотрится не совсем так, как остальные предметы на кухне. Было такое впечатление, что чашку только что перенесли сюда из солнечного, летнего дня. И что она не успела еще потерять яркого, июльского свечения.

Выглядела чашка волшебной, и я размечталась. Представила себе, что ее прятали потому, что это фамильная драгоценность, передается по женской линии из поколения в поколение. Достаточно только попить из этой чашки – и сразу станешь красавицей. Или тебя тут же полюбит прекрасный принц. Или откроются невероятные таланты, например, к живописи, или к литературе. Я уже почти сама поверила, что это правда. Глубоко вздохнула, помедлила, и – выпила глоток ароматного напитка. Потом выпила еще. И еще. Вроде бы что – то такое почувствовала. Или нет? Закурила сигарету. Сидела, курила и ждала – чем черт не шутит, ведь было же что – то странное в моем желании эту чашку заполучить. Детское чувство «а вдруг» во мне взяло верх – и я побежала в ванную, к зеркалу.

Ничего не изменилось. Все то же лицо, черты довольно правильные, но ничего выдающегося. Глаза, правда, блестят, но это от возбуждения.

– А чего ты ждала? Что станешь золотоволосой блондинкой с зелеными глазами? Ну не думала я, что ты такая дурочка! – голос был женский и какой – то скрипучий.

– А?! – Я дернулась так, что баночка с кремом упала на пол. Знаете выражение «душа ушла в пятки»? Это когда у тебя внутри все обрывается. Примерно это я и почувствовала. Я знала, что в квартире никого нет. И я знала, что голос, который я услышала, не прозвучал со стороны. Он был у меня *в голове!!!* Это было даже страшнее, чем если бы я вдруг обнаружила незнакомку у себя в квартире. Тогда бы она была реальностью, а то, с чем столкнулась я, было ...за гранью.

– Ну – ну, не паникуй, уйду я, – сказал тот же голос, но очень тихо, шепотом.

Интересно, что даже в таком, мягко скажем, испуганном состоянии, в котором я находилась, я не стала разговаривать вслух, вопрошать «кто ты?» и «чего тебе от меня надо?». Слишком это глупо бы выглядело. Внутренний контроль у *интересных зверьков* всегда тут как тут. Внешне, кроме первого дерганья и восклицания, я никак не проявила свой страх и недоумение. Тихо вернулась в кухню и закурила новую сигарету. Руки дрожали. Сошла с ума? Но я не чувствовала в себе никаких примет умственного расстройства. Ну да, кроме голосов в голове?! Так это же известный симптом.

Глупости! Как сказано в любимой с детства книжке, «кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится». Ни с того ни с сего, выпив кофе, с ума не сходят. Чашка!!! Я с подозрением посмотрела на нее. Пока я не начала из нее пить, никакие голоса меня не тревожили. Значит, это либо разошедшаяся не в меру фантазия, либо с чашкой все – таки что – то не так.

Пожалуй, впервые я по-настоящему пожалела, что живу одна. Обычно одиночество в своей квартире меня устраивает. Но сейчас мне очень, очень хотелось бы, чтобы дома со мной кто – то был. Кто – то такой, с кем можно было бы поговорить по душам, все рассказать, пожаловаться на голоса в голове. С Риткой я связаться не могла, все равно, кроме хрюканья, в ее странном доме от нее ничего не услышишь. С родителями я могла поделиться практически всем, но рассказывать маме поздно вечером о голосах в голове все же не стоило. Из близких друзей оставался Сережка, но он уже год работает в другой стране. Было еще несколько друзей, а, точнее, близких приятелей. Звонить им я не стала, по телефону всего не скажешь.

Пришлось спасать себя самой. На крайний случай у меня дома всегда есть любимый коньяк «Мартель». Я налила себе половину коньячного бокала и выпила так, как пить коньяк нельзя – залпом. Стало лучше. Налила еще. Ну вот, теперь можно было ложиться спать. Больше со мной никто не разговаривал.

Чашка с недопитым кофе так и осталась стоять в кухне на столе. На сегодня с меня было достаточно. Спать.

11

Ура, пятница! Эта мысль грела меня, пока я привычно бегала по квартире, собираясь на работу. Кофе выпила из старой утренней чашки. Собралась, спустилась вниз, села в машину... Стоп! Пришлось вернуться, забыла чашку. Все – таки надо показать ее специалистам. Уходя из квартиры, посмотрелась в зеркало.

Я современный человек, у меня высшее образование, я знаю два, ну, скажем, полтора иностранных языка, вожу машину и работаю на компьютере. Я не суеверна, но если я что – то забыла дома и мне приходится возвращаться, я обязательно смотрюсь в зеркало. А если уезжаю надолго, то перед тем, как выйти за дверь, я произношу одну фразу (не скажу, какую), чтобы поездка была удачной. А еще я никогда не передаю вещи другому человеку через порог, а также никогда не начинаю новое дело в пятницу. Ну и еще кое – что есть в этом списке, чем мне делиться не хочется, потому что вдруг тогда все это перестанет работать?

Высидев положенные минуты в пятничных пробках, я вспоминала прошедший вечер. Про голос в голове думать не хотелось. Ну и не буду! Подумаю лучше о том, как провести выходные. Лучше всего поехать к Ритке, погулять по заснеженному лесу, на лыжах покататься. Но, прежде всего – выспаться. Проснуться часов в двенадцать, а, может быть и позже. Поваляться в постели, медленно и со вкусом позавтракать, читая книжку. А потом приготовить себе душистую ванну и почитать там. Ну а после этого уже ни один посторонний голос в мою отдохнувшую голову и не ползет!

На работу я приехала вовремя, но продемонстрировать свою пунктуальность было некому. Директор на входе не стоял, видимо, в командировку уехал. Тоже неплохо, утро можно будет начать, спокойно выпив кофе с кем –нибудь из коллег. Идея! Сейчас я устрою проверку. Если с чашкой, которая тихо лежит в моей сумке, не все в порядке, значит человек, который выпьет из нее кофе, услышит голос, как и я. Для этого надо подыскать коллегу без комплексов. Потому что кто же на работе расскажет про голоса? Только такой человек, который что думает, то и говорит. То есть не думает, что говорит. Да только вот, похоже, таких у нас уже не осталось. Хотя... Точно! Недавно к нам пришел новый тренинг – менеджер. Надолго он, пожалуй, у нас не задержится, слишком много шумит и мало думает. Но для меня сейчас он подходит как нельзя лучше.

Через десять минут на моем рабочем столе, вместо груды бумаг появились две чашки (одна из них – та самая), тарелка с печеньем и крекерами, сахарница и салфетки. Ловушка готова, пора заманивать жертву. Я позвонила по местному телефону и промурлыкала в трубку приглашение составить мне компанию, выпив вместе чай или кофе.

Толик не заставил себя долго ждать. Он ворвался в мой кабинет, как всегда лохматый и радостный. Толик постоянно выглядит так, как будто в офис он едет не пол часа на корпоративной машине, а сутки в поезде. Костюм дорогой, но какой-то мятый, галстук съехал набок, на рубашке пятно от шариковой ручки. Зато настроение всегда громко – бодрое. И голос его может перекрыть шум водопада.

– Доброго утрачка! – закричал он с порога.

– Привет, Толик, ради бога, не кричи, – тихо ответила я.

– Что такое, солнышко? Голова болит? – по-прежнему громко спросил Толик. Все женское население офиса у него «солнышки». Даже наш офис менеджер, мегера из мегер.

– Нет, солнышко, – ответила я. – Просто рано еще кричать. Давай лучше спокойно чаю попьем. Или тебе кофе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.